

УДК 37.01
ББК 74.0
П - 92

Пчегатлук Марина Морхабовна, соискатель кафедры французской филологии факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета, т.:(8928)4747037

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ОБЪЯСНЕНИЕ»

(рецензирована)

В статье рассматривается вопрос различных подходов к определению понятия «объяснение». Ставится теоретическая проблема обзорного характера. Представляются различные подходы к определению понятия «объяснение», перечисляя различные виды объяснений с их интерпретацией.

Ключевые слова: объяснение, реальный феномен сознания, логика научного познания, аргумент логической связи, дедуктивно-номологическое объяснение, рациональное объяснение, интенциональное объяснение.

Pchegatluk Marina Morkhabovna, seeker of the Department of French Philology of the Faculty of Roman-Germanic Philology, Kuban State University, tel.: (8928) 4747037

DIFFERENT APPROACHES TO THE DETERMINATION OF THE CONCEPT "EXPLANATION"

(Reviewed)

The article discusses various approaches to the definition of "explanation". The theoretical problem of a review nature has been posed. Different approaches to the definition of "explanation", listing the various kinds of explanations to their interpretation have been represented.

Keywords: explanation, the real phenomenon of consciousness, the logic of scientific knowledge, the argument of logical connection, deductive-nomological explanation, rational explanation, intentional explanation.

Объяснение – одна из важнейших функций научной теории и науки в целом. Понятие объяснения используется и в повседневном языке – объяснить какое-либо явление означает сделать его ясным, понятным для нас. В течение последних столетий функция объяснения окружающего мира постепенно перешла к науке. В настоящее время именно наука делает для нас понятными встречающиеся явления, поэтому научное объяснение служит образцом для всех сфер человеческой деятельности, в которых возникает потребность объяснения.

В логике научного познания объяснение представляется одной из главных функций научной теории [1, с.180- 196.]. В данной ориентации выделяются следующие виды научного объяснения и их взаимоотношения:

- 1) Дедуктивно-номологическое объяснение;
- 2) Рациональное объяснение;
- 3) Интенциональное объяснение.

Дедуктивно-номологическое объяснение действует в сфере объяснения событий и фактов в природе, а для общественных наук, объясняющих человеческие действия, предлагаются иные формы объяснения – "рациональное" объяснение. Интенциональное объяснение, наоборот, распространяется не на рациональность действия, а на его интенцию, на намерение индивида, совершающего то или иное действие. Логической формой интенционального объяснения считается так называемый "практический силлогизм" [2.].

Е.П. Никитин отмечает, что в телеологических объяснениях «цель рассматривается как вполне определенная мыслительная конструкция, как *реальный феномен сознания*, существующий *до того*, как возникло объясняемое событие и явившийся одним из реальных условий или даже одной из причин возникновения» [3, с.100]. Интенция рассматривается Е.П. Никитиным таким образом не как конечная, а как действующая причина. Нравственные представления субъекта оказываются решающим фактором в установлении связи между целью и средствами.

В связи с этим справедливо следующее мнение: «Не противопоставление различных видов объяснения, а их сочетание для достижения понимания природы и

общественной жизни – вот вывод, к которому, приводит обсуждение проблем научного объяснения» [1, с. 196].

Авторы выдвигают следующие аргументы:

Первый – *аргумент логической связи* между посылками и заключением практического силлогизма [1], где причинно-следственная связь «устанавливается опытным путем, а не с помощью логического анализа содержания высказываний» [1, с.193]; «соображения о логической независимости причины и следствия» позволяют сказать, что «если между посылками и заключением практического силлогизма нам удастся обнаружить логическую связь, то это будет свидетельством того, что посылки не выражают причины того действия, о котором говорит заключение»; «...верификация заключения практического силлогизма требует верификации его посылок, а верификация посылок опирается на верификацию заключения. Это свидетельствует о том, что между посылками и заключением практического силлогизма имеется логическая связь. Следовательно, его посылки не выражают причины действия, описываемого заключением» [1, с.194].

Второй аргумент связывается с *неоднозначностью связи* между интенцией и действием: «Интенция отнюдь не вызывает определенного действия с той непреложностью, с которой причина вызывает следствие. Бильярдный шар, получив удар в бок, покорно покатится в направлении удара, но человек под влиянием одной и той же интенции способен «покатиться» куда угодно, порой даже в противоположном направлении. Поэтому интенцию нельзя уподобить причине того действия, о котором говорит заключение практического силлогизма» [1, с.194].

И, наконец, третий аргумент отражает *различие цели и средств*: «если учесть, что выбор средств определяется не только целью, но и нравственными представлениями субъекта, то принцип "переноса" интенции от цели к средствам следует признать ошибочным...; становится очевидным, что в практическом силлогизме, посылки которого говорят о некоторой желаемой цели, а заключение описывает действие, приводящее к этой цели, вывод не является необходимым. Он может использоваться для объяснения уже совершенных действий, но его никак нельзя использовать для предсказания тех действий, которые еще не осуществлены»

[1, с.195]. Нравственные представления субъекта, таким образом, оказываются решающим фактором в установлении связи между целью и средствами.

В работах по методологии научного познания дедуктивно-номологическая схема объяснения иногда провозглашается единственной научной формой объяснения. Однако это неверно, она нуждается в дополнении другими видами объяснения, особенно когда речь идет об общественных науках. Каждое значительное историческое событие представляет собой единство необходимого и случайного. Необходимая, глубинная сторона общественных событий и процессов получает дедуктивно-номологическое объяснение, включающее ссылку на социальные законы. Даже действия отдельных личностей — в той мере, в какой эти личности представляют определенные общественные слои и группы, — могут быть объяснены посредством дедуктивно-номологической схемы как действия, типичные для данного слоя и вытекающие из его коренных экономических интересов. Такие объяснения могут выглядеть следующим образом: «Всякий продавец стремится дороже продать свой товар. Н. — продавец. Поэтому он также стремится дороже продать свой товар».

Однако сведение истории к выявлению только необходимой, закономерной стороны событий прошлого было бы неправомерным. История не только говорит о том, что *должно* было случиться, но и показывает, *как это реально случилось*. Ее интересует не только необходимая сторона исторических процессов, но и те случайности необходимого. Поэтому историк не может отвлечься от конкретных исторических личностей, деятельность которых была включена в то или иное историческое событие, от их мыслей и чувств, целей и желаний. При объяснении же поведения отдельных личностей дедуктивно-номологическая схема неприменима. В этих случаях объяснение достигается с помощью рациональной или интенциональной модели.

У. Дрею принадлежит заслуга в том, что именно он одним из первых привлек внимание к особенностям объяснений в истории. Историк не может руководствоваться тем стандартом рациональности, который принят в его время. Он должен реконструировать представления о рациональности людей изучаемой эпохи. Если принять во внимание то обстоятельство, что даже современные представления о рациональности весьма расплывчаты, то приходится признать, что историческая

реконструкция понятия рациональности представляет собой весьма сложную операцию. С точки зрения Дрея, объяснить некоторый поступок – значит показать, что он основывался на разумном расчете. Критики Дрея сразу же указали на то, что чаще всего люди действуют *без всякого расчета* – под влиянием импульса, желания, страсти. Поэтому модель Дрея может быть использована для объяснения сравнительно небольшого числа человеческих поступков, которые были предприняты после серьезного размышления [1, с.190]. Но, как справедливо отмечают авторы статьи, «даже и такие поступки опираются не только на соображения разума, но также и на голос чувства, поэтому рациональный расчет представляет собой лишь одну сторону того сложного побуждения, которым обусловлено каждое наше действие» [1, с.190-191].

Таким образом, логика релевантного объяснения требует более широкого контекста интерпретации.

А.А. Ивин в своей книге «Ценности в научном познании» пишет: «Дуализм истины и ценности, сложившийся в новое время, имел своим естественным результатом резкое противопоставление объяснения и понимания» [4, с.257]. Ученый констатирует, что герменевтика оказалась неспособной проанализировать природу понимания как универсальной формы интеллектуальной деятельности, а также установить ясную взаимосвязь понимания с объяснением – другой столь же универсальной операцией мышления. Частные формы ценностей истолковывались как сугубо индивидуальные и субъективные. Они оказывались не способом соединения человека с миром и другими людьми посредством человеческой деятельности, а средством замыкания индивида в узком мире его собственных мотивов и устремлений» [4, с.257].

А.А. Ивин подчеркивает, что философская герменевтика противопоставляет гуманитарные науки естественным, концентрируясь на понимании, оставляет в стороне проблемы объяснения: «Неизбежное следствие такого подхода – расплывчатость ее рассуждений о самом понимании» [4, с.258]. В своих рассуждениях А.А. Ивин ссылается на следующую мысль Л. Витгенштейна: «оправдание, как и объяснение, является приведением доводов, из которых следует оправдываемое утверждение». Ивин далее уточняет: «С логической стороны оправдание есть

дедукция, выведение ценности более низкого уровня из ценности более высокого уровня» [4, с.258].

«Слово "объяснение" обозначает как операцию, ведущую к определенному результату, так и сам этот результат. Слово "понимание" обозначает только результат некоторой деятельности <...>. *Объяснение* есть подведение под *истину, оправдание* – подведение под *ценность*. Объяснить – значит вывести из имеющихся истин, оправдать (и в результате – понять) – значит вывести из принятых ценностей. Ценность – столь же универсальная и фундаментальная категория познания, как и истина. Соответственно, понимание представляет собой такую же важную функцию науки, как и объяснение» [4, с.258].

М.В. Лебедев считает, что традиционную трактовку объяснения следует считать редукционистской: «объяснить нечто, с такой точки зрения, – это свести неизвестное к известному... трактовка объяснения как сведения неизвестного к известному оказывается продиктованной стремлением обнаружить некоторые общие и общезначимые критерии интеллигибельной теории (например каузальность, возможность моделирования, визуализация и т.д.)» [5, с.132].

1. П. Рикер полагает, что человек принадлежит одновременно и порядку причинности, и порядку мотивации, порядку объяснения и порядку понимания [6, с.1995].

В рамках зарубежной социальной психологии когнитивистской ориентации имеет место атрибутивная теория, которая пытается «объяснить, как люди дают логические объяснения ответов на вопросы, начинающиеся с "почему". Это касается той информации, которую они используют, устанавливая причинные связи, и того, что они делают с этой информацией для ответа на вопросы о причинах» [7, с.127]. В целом проблемы объяснения имеют теоретическое и практическое значение и требуют изысканий междисциплинарного характера. Лингвистический анализ позволит получить достоверные выводы, основанные на анализе различных видов текстов, содержащих «объяснение» в качестве субстанции и функции.

Литература:

1. Никифоров А.Л., Тарусина Е.И. Виды научного объяснения // Логика научного познания (актуальные проблемы). М., 1987. С. 180-196.
2. Вригт фон Г.Х. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986.
3. Никитин Е.П. Объяснение – функция науки. М., 1970.
4. Ивин А.А. Ценности в научном познании // Логика научного ... С. 230-258.
5. Лебедев М.В. Семантика перехода от описания к объяснению // Что значит знать?: сб. науч. ст. М., 1999. С.111-135.
6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
7. Келли Г. Процесс каузальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология: тексты / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: МГУ, 1984. С.127-137.